

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 7
volume 7**

Центр
«Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
1995

Реформы и реформаторы в период крушения империи

Османский опыт и некоторые его исторические параллели*

Ю. А. Петросян

(Институт востоковедения РАН, Санкт-Петербург)

Для многих держав Востока — Османской империи и Ирана, Китая и Японии — XIX век прошел под знаком реформ. Изучение опыта этих реформ представляется сегодня особенно важным. Такой опыт мог бы стать инструментом анализа реформаторских устремлений современного человечества, что особенно ценно для ситуаций, которые определяются тенденцией обеспечить быстрый экономический и научно-технический прогресс при сохранении, в целом, базисных институтов, без принципиальных перемен в структуре власти. Опыт реформ в Османской империи в наше время может считаться поистине классическим примером подобного рода.

* * *

В мировой истории было немало империй, правители которых обладали неограниченной властью. Складывались эти империи по-разному, но в конечном счете превращались в огромные державы, в состав которых входили многие покоренные силой оружия земли и населявшие их различные народы. Так сложились Римская и Византийская империи, государства китайских императоров, Великих моголов, Российская империя.

В ряду таких держав стоит и Османская империя, ядро которой возникло на крайнем западе Малой Азии к середине XIV века. Ей суждено было стать одной из самых крупных империй средневековья, превратиться в мощнейшую военную державу. Ее правители — турецкие султаны из династии Османа — в короткий срок подчинили себе многие народы Европы и Азии, овладели в 1453 г. бастионом восточного христианства — Константинополем, превратив его в свою столицу — Стамбул. В

---

* Текст доклада, прочитанного на заседании Президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН 23 декабря 1993 г.

XIV—XVI веках османские султаны вели многочисленные и, по преимуществу, успешные войны на Западе и Востоке от своих границ. В результате этих войн на рубеже XIV—XVII веков их владения занимали огромную территорию в трех частях света — в Европе, Азии и Африке. Под властью султанов были Сербия и Греция, Молдова и Валахия, значительная часть венгерских, албанских и черногорских земель, вся Малая Азия, часть Армении и Грузии, Египет, Ирак и Йемен, Судан, Тунис и Триполитания.

Естественно, что управление таким огромным государством с разноплеменным составом населения, крайне разнообразными природными и климатическими условиями, разными хозяйственно-бытовыми и культурно-религиозными традициями было весьма непростым делом. Решали турецкие султаны эту трудную задачу за счет максимальной централизации системы административного управления и военной организации империи, теснейшим образом связанной с военно-ленной (тимарной) системой землевладения. В XV—XVI веках все рычаги власти прочно удерживались в руках османских султанов, олицетворявших всю полноту власти не только светской, но и духовной, поскольку султан имел еще и титул халифа — духовного главы всех мусульман — суннитов.

XVI век стал эпохой наивысшего могущества османской империи. На рубеже XVI—XVII веков начали явно проявляться слабости в ее социально-экономическом и политическом развитии, которые с особенной силой проявились в XVII веке и привели к затяжному социально-политическому кризису османской державы. В основе этого явления был начавшийся в конце XVI в. процесс разложения и распада тимарной системы, представлявшей собой основу социальной структуры османского общества, краеугольный камень его государственности. Этот процесс был тесно связан с менявшимся постепенно характером войн, которые вели султаны со своими соседями на Западе и на Востоке. Они все более утрачивали характер успешных военных походов, в которых обогащались не только казна султанов и государство, но и конное ополчение — основная сила войска, комплектовавшаяся из воинов, выставлявшихся ленниками-тимариотами. Поскольку походы постепенно утрачивали характер источника обогащения, ленники-тимариоты все чаще пренебрегали своими военными обязанностями.

XVIII век стал порой резкого ослабления некогда могущественной империи, веком тяжелых военных поражений и эконо-

мических неурядиц, неуклонного падения международного престижа государства.

Пошатнувшееся военно-политическое положение страны стало предметом анализа для представителей феодально-бюрократической элиты. Именно в этой, традиционно внимательной к состоянию дел в государстве, среде зародились в первой половине XIX в. проекты реформ, целью которых было восстановление военно-политического могущества империи на основе использования европейского опыта.

Начавшемуся процессу реформ сопутствовали три фактора первостепенного значения. Первый из них — обнаружившаяся особая устойчивость средневековых форм экономической жизни. Ремесло, торговля и сельское хозяйство если и подвергались внешнему воздействию, то лишь в зонах контактов с европейским торговым капиталом. В основной части страны эти контакты не вызывали сколько-нибудь существенных перемен. Именно малая «чувствительность» традиционных экономических структур к внешнему вызову во многом предопределила мучительно медленное вызревание капиталистического уклада в экономике страны и соответствующих ему норм жизни буржуазного общества в административно-правовой сфере, крайне медленное формирование социальных сил, заинтересованных в обеспечении условий для социально-экономического прогресса страны на путях капиталистического способа производства.

Другим важным фактором было то обстоятельство, что хотя ко второй половине XIX в. Османская империя приобрела черты полуколонии крупнейших европейских держав, колоний, и даже полуколонией в полном смысле этого слова, она так и не стала. Правящим кругам удавалось, используя, конечно, и стратегическое положение своей страны, и противоречия в борьбе великих держав за «османское наследство», на протяжении всего периода нового времени сохранять — и не только формально — характер пусть экономически слабого, но самостоятельного и имеющего немалое международное значение государства.

Третьим фактором был многонациональный состав государства. Стремление сохранить власть над многими народами, опережавшими «метрополию» по темпам экономического и культурного развития, к середине XIX в. стало мощным стимулом к реформам. Неуклонное развитие национально-освободительного движения нетурецких народов империи расшатывало государственное здание в целом. Именно эта борьба породила знаменитый Восточный вопрос, который, в свою очередь, привел

ко многим острейшим международным конфликтам, усиливая внешний фактор реформ и расширяя круг их сторонников.

Мысль о необходимости реформ первоначально возникла на самом верху государственной пирамиды. Реформаторами были султаны Селим III (1789—1807) и Махмуд II (1808—1839), их ближайшее окружение. Последующие султаны также контролировали ход реформ, проводившихся в основном верхушкой бюрократии. Естественно, социальная база реформ в таких условиях была крайне узкой.

Османская бюрократия всей силой традиции была связана со старой феодальной стихией. Она обладала чрезвычайно узким социальным кругозором. Трудно было ожидать от этих людей преобразований, которые могли бы посягнуть на экономические и социальные основы породившей их самих среды. К тому же бюрократия представляла собой «многослойный пирог». Даже «просвещенная» часть верхнего слоя была вынуждена считаться с интересами средних и низших слоев, которые, собственно, и должны были проводить реформы в жизнь. Однако исполнители, как правило, совершенно не были заинтересованы в реформах. Условие своего существования эта часть чиновничества видела в неприкосновенности системы, характерной чертой которой было взяточничество, приносившее куда больший доход, чем жалованье, выплачивавшееся к тому же нерегулярно. Стихия беззаконий и произвола являлась благодатной жизненной средой для чиновников. Кроме того, в массе своей низшее и среднее чиновничество, слабо затронутое просвещением, было связано с традиционными социальными группами, глубоко проникнутыми идеей величия ислама. Они верили, что само существование ислама способно без всяких реформ фатально поддерживать силу и могущество государства османов.

В результате обнаружилось противоречие между реформаторскими устремлениями высшего звена бюрократии, заинтересованного в экономическом и культурном прогрессе страны, и реальными исполнителями реформ, заинтересованными в сохранении старого порядка, граничившего с беспорядком.

Рассмотрим вкратце сумму предлагавшихся реформаторских мероприятий. Их можно разделить на четыре группы — военные, экономические, административно-правовые и, наконец, реформы культуры и быта. Не будем утомлять слушателя подробным перечнем законодательных актов. Одних только документов основополагающего характера издано, начиная с первого указа Селима III о формировании новых войсковых подразделений (1793) и до провозглашения конституции 1876 г., не-

скольких десятков. Большинство из них быстро обрастало многочисленными инструкциями Высокой Порты и ее ведомств, образуя сложную систему указов и формуляров, разобраться в которых было весьма сложно. Еще сложнее оказалось претворить их в жизнь.

Цель административно-правовых реформ заключалась, без сомнения, в создании более цивилизованных, отвечающих европейскому уровню условий жизни для всего населения империи, независимо от национальности и вероисповедания. Усилия реформаторов концентрировались главным образом в сфере государственно-правового устройства и просвещения. Именно на эти сферы приходится почти две трети законодательных актов эпохи реформ.

Первоначально затронув военное дело и армию, реформы впоследствии начали захватывать практически все сферы и уровни государственного управления, систему правового регулирования, все области образования, основные культурные институты, однако весьма неравномерно. Что касается экономики, то здесь реформаторы проявили себя несколькими крайне ограниченными мерами — отменой, в связи с созданием новой армии, военно-ленной системы землевладения, реформой налогообложения и законами о земле, по которым крестьяне так и не получили землю в частное владение.

Исследователи османских реформ отмечали, что меры в области экономики были самой слабой стороной деятельности реформаторов. И дело, конечно, не в числе законодательных актов, а в отсутствии готовности идти на решительные шаги. Реформаторы шли по наиболее легкому пути — пути поверхностного преобразования надстроечных структур, субъективно понимаемых ими как наиболее значимые. Большинство реформаторов не обладали сколь-нибудь серьезными познаниями в экономике и искренне полагали возможным обеспечить прогресс страны лишь с помощью перемен в области административно-правового устройства. Но и проводя некоторые преобразования, реформаторы действовали крайне осторожно, стараясь не задеть интересы верхних слоев, в которые входили и сами. Вдобавок к этому, даже то малое, что пытались сделать османские реформаторы, убивалось крайне малоэффективной и коррумпированной массой чиновничества.

Среди лидеров реформаторов были и радикалы, которые считали, что упадок Османской империи и превращение ее во второстепенную державу объясняются тем, что турки, оставляя неизменными свои государственные институты, не смогли по-

лучить тех свобод, «под сенью которых росла и поднималась европейская цивилизация».

Формирование этой новой по умонастроениям реформаторски настроенной прослойки бюрократии стало возможным благодаря новым светским школам (военным и гражданским), опиравшимся на европейский культурный опыт, благодаря канцеляриям многочисленных новых ведомств, в которых сотни чиновников осваивали новые, в значительной степени заимствованные у Европы принципы и методы государственного управления.

Само собой разумеется, большинство османской бюрократии принадлежало к умеренному или крайне умеренному крылу, никогда не ставившему перед собой вопроса о политических свободах или об осуждении мусульманского фанатизма. Значительная часть бюрократии и в период реформ формировалась в русле дореформенных традиций, но именно новая по умонастроениям прослойка, в силу объективно стоявших перед страной задач, выдвигалась на верхние ступени власти и была инициатором в деле проведения многих важных преобразований.

В критический для империи момент реформистски настроенная бюрократия и ставшая опорой реформаторов молодая интеллигенция, идейно объединившись, создали базу для провозглашения первой турецкой конституции. Однако сделать решительный шаг к ограничению власти монарха заставила лишь конкретная ситуация, возникающая в 1876 г., — непосредственная угроза расчленения империи.

Нараставшее стремление нетурецких народов к освобождению было, как мы уже отмечали, в числе первостепенных факторов, подталкивавших правящие круги к реформам внутригосударственного устройства, административной системы и права. Трудно не заметить, что все более или менее крупные акции реформаторов следовали непосредственно за значительными событиями в борьбе нетурецких народов за освобождение. Реформы Махмуда II (в том числе уничтожение янычарского корпуса в 1826 г.) последовали после восстания греков в 1821 г. и объявления в 1822 г. восставшими независимости Греции. Началу танзиматских реформ 40—60-х годов предшествовал турецко-египетский конфликт, создавший серьезную угрозу турецкому владычеству на арабских землях. А турецкая конституция 1876 г. появилась на свет как прямое следствие мощных освободительных восстаний балканских народов.

Все реформы — от Селима III до сторонников конституции 1876 г. — стремились сохранить политическое единство им-

перии. Но к решению этой задачи они подходили по-разному. Султаны и большинство высших сановников продолжали выдвигать на первый план меры репрессивные, что могло быть обеспечено только с помощью реорганизации армии и центрального аппарата власти. Что касается новой прослойки бюрократии, то в ее среде превалировало стремление сочетать репрессии с проведением таких реформ, которые бы создавали гарантированное законами равноправие всех подданных. И наконец, конституционалисты 60—70 годов, ядро которых составили молодая турецкая интеллигенция и их немногочисленные единомышленники в среде высшей бюрократии, выдвинули на первый план принцип единства всех подданных султана в качестве «османов» — «детей общей родины».

Конституцию в 1876 г. провозгласил султан Абдул-Хамид II, только что взошедший на престол. Введение конституции и парламента было как явным маневром султана перед лицом европейских государств, готовых поддержать борьбу подвластных туркам народов, так и временной уступкой собственным «радикалам», становившимся опасными. Угроза распада империи временно сплотила самые разнородные социальные силы как реформаторов и их сторонников, так и ортодоксальных мусульманских кругов, по-своему понимавших идею парламента и конституции. Движение за конституцию в столице в 1876 г. оказалось неожиданно сильным и испугало султана. Он счел выгодным уступить.

За короткий (около года) срок деятельности первого турецкого парламента ничего не изменилось в производственных отношениях страны. В парламенте по большей части заседали люди, занимавшие охранительную позицию в сфере отношений собственности. В этом сказывалось не только нежелание нарушить права землевладельцев, но и слабое понимание сути экономических процессов, протекавших в стране. Всем сторонникам реформ, включая и интеллигенцию, остро не хватало компетентности в вопросах экономических и научно-технических.

Провозглашение конституции и создание парламента, хотя и явились логическим завершением борьбы за реформы, явно были политическим «забеганием вперед», социально и экономически не обеспеченным. Это «забегание» обернулось откатом назад. «Конституционный» (первоначально) монарх Абдул-Хамид II (1876—1909) прославился правлением, которое вошло в историю Турции как период «зулюма» (гнета, деспотии), как пора беспредельного произвола султана и дворцовой камарильи. Был ли это один из многочисленных парадоксов истории?

Внешне все выглядело именно так. Но, в сущности, произошло вполне объяснимое событие. Ведь конституция 1876 г. оказалась результатом благоприятно сложившихся исторических обстоятельств, позволивших реформаторам одержать временную победу над абсолютизмом. Кратковременность существования конституции и парламента (до начала 1878 г.) показала преждевременность их появления в Османской империи. Провозглашенный курс политического развития страны явно опередил развитие социально-экономическое. Более того, именно появление конституции и парламента обнажило еще очень крепкую силу старой системы и неограниченной власти султана, которая, не сумев с помощью конституционной реформы предотвратить начавшийся распад империи, установила в стране крайне реакционную форму деспотии.

Борьба за реформы не принесла заметных результатов в сфере экономики и политики. Более того, она закончилась поражением реформаторского движения. Но опыт политической борьбы, накопленный реформаторами, обеспечил подготовку младотурецкого движения, которое развернуло борьбу с неограниченной султанской властью на рубеже XIX—XX вв. Нерешительные реформаторы и решительные консерваторы в конце концов получили революцию 1908 г., которая завершила затянувшийся реформистский этап буржуазных преобразований в османском государстве.

Но и «весна» революции 1908 г. была недолгой. Уже с конца 1913 г. Османская империя оказалась в тисках диктатуры младотурецкой верхушки. Она втянула страну в первую мировую войну на стороне кайзеровской Германии, которая окончилась для империи османов ее военным поражением, полным политическим крахом и распадом. Так, практически, история поставила окончательно точку на длившейся более века истории борьбы за реформирование Османской империи. Она была полностью проиграна реформаторами. Османская империя оказалась к началу эпохи новейшей истории человечества неспособной к радикальному реформированию своих социальных и политических структур, а в конечном счете и к выживанию. Гибель империи была также результатом стремления покоренных народов к восстановлению своей государственности и национальному возрождению. Таким образом, не хватало лишь толчка, чтобы свершилось исторически неизбежное. Этим толчком и стала первая мировая война, в пламени которой сгорели остатки независимости Османской империи и ее былой военной мощи и политического могущества.

* * *

Отмечу еще раз, что опыт борьбы за реформы в Османской империи заслуживает самого пристального изучения всех серьезных реформаторов современности, особенно российских, для которых, на наш взгляд, этот опыт типологически особенно важен.

Далеко не новость, что исторические параллели вещь опасная для историка, и все же желание сделать исторический опыт полезным инструментом борьбы за совершенствование жизни человеческого общества побуждает к некоторым размышлениям и сопоставлениям. Попробуем кратко изложить их в связи с российской действительностью, в особенности жизнью общества в конце 80—начале 90-х гг. нашего века. Я, конечно же, надеюсь, что уважаемые слушатели этого доклада поверят автору, что он отдает себе отчет в том, сколь различны реалии сопоставляемых эпох. И все же — аналогии буквально «лезут на сцену».

1985 г. — начало перестройки. Что пытаемся перестроить? Экономiku с очевидными, а порой и ярко выраженными признаками научно-технического отставания от экономически высокоразвитых стран Запада. Систему государственного управления в государстве очевидно имперского типа, в стране с редкостно многонациональным населением. Политическую жизнь общества, имевшего вековые традиции самодержавия и тоталитаризма, не имевшего, в сущности, никаких демократических традиций. Правда, удивительно похоже на задачи османских реформаторов?

Что избрали мы инструментом перестроечных реформ? Из трех очевидно нуждавшихся в решении задач выбрали казавшуюся более легкой — начали реформировать политические институты (как и тут не вспомнить османских реформаторов!). Лидерами нашей перестройки был даже брошен лозунг — «Без политических реформ нам не двинуть вперед реформы экономические». Насколько ошибочным был этот лозунг, показало время, а наша сегодняшняя действительность продолжает об этом напоминать. Примечательно, что если неудачи экономических реформ в Османской империи историки объясняют «устойчивостью средневековых форм экономической жизни», то многие неудачи наших экономических реформ списывают «на устойчивость социалистических традиций» в экономической жизни СССР, а позже России.

Еще более опасной для реформ оказалась политика Горбачева и его соратников в реформировании государственного устройства многонациональной страны. Турецкие султаны-реформаторы даже слышать не хотели о национально-культурной автономии — и проиграли все. Горбачев в 1988—1989 гг. и слышать не хотел о конфедеративном устройстве СССР, о заключении нового Союзного договора — и проиграл все. Именно в те годы начался процесс распада СССР, «беловежская пуща» его лишь логически завершила. Национальные движения этого периода во многом стимулировали политические центробежные движения разного рода. Думаю, что карабахская проблема — до того, как она стала основой азербайджано-армянского конфликта, — открыла дорогу массовым выступлениям против властей вообще, освободила советское общество от массовой боязни власть предержащих. Боязнь утратить абсолютную власть центра на местах и привела, в конечном счете, к гибели империи советской. Сегодня это очевидно для многих, хотя и противников такой оценки хватает.

Что касается перемен в политической жизни нашего общества, то и здесь произошло нечто похожее — конечно, с учетом исторического места и времени происходящего — на ситуацию в период борьбы за первую турецкую конституцию. Общество, не имевшее, в сущности, доступа к демократическим ценностям, столь стремительно стало превращаться в общество свободных людей, что это неизбежно должно было привести — и привело! — к крайностям разного рода. Именно крайности в политике — на наш взгляд — породили и август 1991 г., и сентябрь—октябрь 1993 г. И не являемся ли мы сегодня свидетелями тех перемен, которые говорят о таком же «откате» назад в деле политического реформирования, каким был разгон парламента турецким султаном в 1878 г.?

Схожесть ситуации наблюдается во многом. И османские, и советские (теперь — российские) реформаторы всячески стремились заимствовать западный опыт. И у них и у нас реформаторы концентрировались на политических реформах, не уделяя должного внимания экономике. Ныне же российские реформаторы явно абсолютизируют западный опыт рыночного хозяйства. И в том и в другом случаях присутствует непонимание исторических традиций страны и ее народов либо неумение учитывать эти традиции в процессе реформ.

Наконец, еще два сопоставления. Османские реформаторы были уверены, что ислам, бывший господствующей религией и идеологией Османской империи, может быть идейной ба-

зой всех реформ. И мы до недавнего времени были убеждены, что марксизм-ленинизм, бывший долгое время идеологией, почти государственной религией советского общества, способен идейно обеспечить успех любых реформ. Чего стоит постепенное освобождение общества от такого догматизма, хорошо показывают события последних двух-трех лет. Думаю, правда, что турецким реформаторам — правоверным мусульманам столь же нелегко далось преодоление барьера предубежденности против всего европейского, сколь трудно было нашим российским реформаторам отходить от марксистской догматики. Многие из нас по себе это знают.

Я уже упоминал о том, что идейно-политической доктриной османских реформаторов была концепция «османизма» — единства всех жителей империи в качестве «османов» — подданных османского султана. Ну как тут не вспомнить «новую историческую общность — советский народ», появлением которой на исторической арене мы восхищались в 60—70-х гг. Надо ли говорить о том, что эти исторические мифы рухнули, как с крушением империи османов, так и в результате распада СССР.

Османскую империю в XIX веке называли «больным человеком» Европы. За глаза, не желая нас обидеть, сегодня на Западе часто так называют Россию, обремененную — юридически и морально — советским прошлым. Турки-османы сумели преодолеть свое прошлое, построив на обломках Османской империи новое государство — Турецкую республику. Мне трудно, конечно, себе представить, чтобы великая Россия не смогла построить свою новую государственность, обеспечить своим народам достойное будущее. И все же. Не дай нам Бог не довести до конца начатое — пусть с ошибками, а порой и чудовищными издержками — дело реформ, довести его до разумного, логического конца. Вспомните другое время в русской истории, вспомните, к чему привел провал реформ 60—70-х гг. прошлого века в самодержавной, имперской России. Наши современные историки России Б. В. Ананвич и А. Н. Цамутали так формулируют результат этого провала: «Незавершенность реформ 1860—1870 гг., после которых сохранилось самодержавие и пережитки крепостничества, имела тяжелые последствия для судеб народов России». Ведь русские революционеры ответили на репрессивную и консервативную политику царского правительства террором. Почти моментальная гибель монархии в феврале 1917 г. была подготовлена неудачей реформ и неспособностью царя и его правительства трезво оценивать экономические и политические реалии России и накануне, и в период I мировой войны.

Все это кончилось, как известно, октябрьским переворотом 1917 г., погрузившим Россию в пучину кровавой братоубийственной гражданской войны. И разве события 3—4 октября 1993 года не воспринимаются многими как возможный пролог к новой кровавой исторической драме российского народа?

А ведь компоненты формирования подобной ситуации — увы! — реальность. Вновь обращусь к опыту историков России. В. В. Лапин, изучая разложение военной системы самодержавия накануне крушения Российской империи, отмечает:

«Разложение военной машины самодержавия в 1914—1917 гг. проявилось в следующем:

1. Дезорганизация системы управления сверху донизу.
2. Падение боеспособности войск, в том числе и элитных частей, из-за моральной и физической усталости, политической дезориентации, организационных неурядиц, вялость и неуверенность командования всех уровней.

3. Утрата контроля над производством и распределением оружия и боеприпасов.

4. Утрата контроля над организацией вооруженных формирований, не предусмотренных действующим законодательством империи. Появление национальных легионов, разного рода "гвардий", отрядов самообороны, банд. Переход солдат и офицеров регулярной армии в эти формирования. Бесконтрольное вооружение населения.

5. Тяжелый психологический кризис военнослужащих».

Не думаю, что надо долго доказывать, что все эти черты ситуации, в большей или меньшей степени, присущи нашей российской действительности, а на окраинах и границах России они уже обнажены предельно.

И последнее. И в империи османов, и в нашей советской и российской действительности реформы начинались и проводились сверху — султанами, генсеками, президентами и их окружением. Конечно, потребность значительной части общества в демократических политических и радикальных экономических реформах в нашей действительности на порядок выше, чем в обществе, которое пытались изменить османские реформаторы. Не в этом ли, в сущности, сегодня наша единственная надежда на лучшее будущее? Ведь чуда не произойдет — политики к голосу истории прислушиваться не станут, опытом ее будут, увы!, по-прежнему, вероятно, пренебрегать. Ведь недаром говорят, что «история учит лишь тому, что ничему не учит». Наш замечательный земляк — Л. Н. Гумилев весной 1989 г. говорил в одном интервью: «Я политикой не занимаюсь, сказать ничего о

ней не могу, кроме одного. Желательно, чтобы политики знали историю, пусть в небольшом, но достаточном объеме. Не в специальном, в общем. Для того чтобы видеть, что аналогичные ситуации возникали в политике постоянно. Тогда они будут знать — да, это уже было, как в шахматной партии. Они будут знать, что в этой ситуации проигрыш неизбежен и возможен мат в два хода. Вот такой-то минимум для политиков был бы крайне полезен». Хорошо бы!